

Борисова Яна Игоревна

ОРГАНИЧЕСКОЕ НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ М. П. АРЦЫБАШЕВА

В статье дается комплексный взгляд на творческую систему писателя-неонатуралиста М. П. Арцыбашева. В пределах статьи анализируется особый тип художественной картины мира писателя. Дается комплексный анализ основополагающих моментов творческой системы Михаила Арцыбашева. Традиционный дробный анализ творчества заменяется целостным. Синтезируются ранее не рассматриваемые компоненты, а также показан механизм, при помощи которого писатель достигает органической цельности своей творческой системы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 37-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

несхожесть средств референции, нарушение связей между «смыслами», несовершенство владения языком, разные уровни оценки языковых знаков участниками коммуникации и т.д.

Итак, сверхтекст – это совокупность текстов, каждый из которых и вне этого объединения представляет собой целостное, автономное произведение. Все многообразие текстов формирует как для каждого индивидуума, так и для нации общую систему сверхтекста, дает информацию о позиционировании адресанта и адресата в речевом конфликте в зависимости от возможностей его продолжения и способов воздействия на оппонента. При этом сверхтекст выступает по отношению к каждому индивидууму и как «носитель» коллективного знания, и как «помощник» в его стремлении быть членом сообщества, который пытается соблюдать правила речевого конфликтного общения, приписанные ментальными нормами и закрепленные коммуникативными и социальными ролями говорящего.

Список литературы

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
2. Загнітко А. П. Теоретична граматика сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис. Донецьк: БАО, 2011. 991 с.
3. Ильин И. П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН; INTRADA, 2001. 384 с.
4. Карпа И. Bitches Get Everything. Харків: Книжковий клуб сімейного дозвілля, 2007. 147 с.
5. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург: ИРРО, 1994. С. 214-233.
6. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 2005. 704 с.
7. Лошаков А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. 344 с.
8. Меднис Н. Е. Феномен сверхтекста [Электронный ресурс]. URL: <http://pochit.ru/literatura/8359/index.html> (дата обращения: 28.03.2014).
9. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. С. 259-367.
10. Тюпа В. И. Фрагменты Петербургского интертекста // Анализ художественного текста. М.: Академия, 2006. С. 264-272.
11. Шурупова О. С. К вопросу о сверхтексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18). Ч. 1. С. 225-227.

TEXTS IN THE INTERNAL SPACE OF INTERPERSONAL CONFLICT HYPER-TEXT

Belokonenko Lyudmila Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Ukraine
ludmila1020@yandex.ru

The article deals with the problem of texts functioning which organize the internal space of hyper-text of interpersonal conflict. The author considers such characteristics of texts as the borders and communicative "limits", the structuring, the degree of cohesion, the presence or absence of the description of nonverbal interaction of opponents, the use of language conflictogenes in the text, the model of speech behaviour, the influence of cognitive and pragmatic factors on the speaker.

Key words and phrases: hyper-text; interpersonal conflict; mental information; mental "norm" of reaction; model of speech behaviour.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье дается комплексный взгляд на творческую систему писателя-неонатуралиста М. П. Арцыбашева. В пределах статьи анализируется особый тип художественной картины мира писателя. Дается комплексный анализ основополагающих моментов творческой системы Михаила Арцыбашева. Традиционный дробный анализ творчества заменяется целостным. Синтезируются ранее не рассматриваемые компоненты, а также показан механизм, при помощи которого писатель достигает органической цельности своей творческой системы.

Ключевые слова и фразы: органичность; целостность; творческая система; стихийность; проблема пола; синтез; классические типы культуры.

Борисова Яна Игоревна

Липецкий государственный технический университет
yanaskakova@yandex.ru

ОРГАНИЧЕСКОЕ НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ М. П. АРЦЫБАШЕВА[®]

Если рассматривать творческую систему Михаила Петровича Арцыбашева, то можно говорить об особенностях мировосприятия этого писателя. Это, прежде всего, органический писатель. Органичность, однако,

своеобразная. Включает в себя дробность жизни, и писатель выводит эту дробность в новую цельную сферу. Арцыбашев в творчестве разнороден. В нем совершенно естественно сочетаются такие мотивы, как крайний индивидуализм и всеобщее смирение. При этом разнородность происходит на определенных этапах творческого пути, феномен особой органичности состоит в том, что разнородность естественная и происходит на протяжении всего жизнетворческого процесса. В нашей статье мы комплексно проанализируем органическую целостность Михаила Арцыбашева в ее развитии.

«Если бы читатель, остановившийся перед этою странностью, бьющей в глаза при чтении Арцыбашева целиком, решил, что за время между написанием —Смрти Ланде” и —Саниным” беллетрист пережил резкий духовный перелом, в итоге которого явилось полное его отречение от недавнего юношеского идеализма, — я думаю, — он сделал бы ошибку.

В беллетристике, вообще говоря, труднее, чем в философии, публицистике, критике, улавливать по его сочинениям переживаемые им внутренние перевороты. Он прячется за своими героями. Попробуйте с безусловной определенностью сказать, где он говорит за себя, где просто решает интересную задачу. Только считаясь с *цельным* мировоззрением писателя, здесь со значительным вероятием можно делать известные выводы» [1, с. 7-8].

Арцыбашев чувствителен ко времени, к эпохе. Эта чувствительность также особенная. Он не только чувствует современность, но и чувствует прошлое и предчувствует будущее. Писатель не отказывается от традиции прошлого: философии, литературы, истории. Однако забирает из этой традиции только то, что нужно ему в современности, что было неким строительным материалом для общества конца XIX – начала XX века, его мировоззрения, его психологии. Забирая, преобразует в новую картину мира. Это преобразование базируется на схемах и моделях общественной жизни в широком понимании, которые существовали в классической литературе. Арцыбашев доводит их до некоего нового решения, которому они будут свойственны в новую эпоху. Эти модели общества, типов героев и ситуаций уже живут в сознании читателя, поэтому можно говорить об архетипичности творчества писателя. Только совершенно неприемлемо заявлять, что Михаил Арцыбашев намеренно копирует эти самые модели. Писатель только преобразует исходный материал. Читатель сразу включается в творческий мир писателя, это происходит потому, что в сознании читающего человека уже «живут» эти схемы и модели, о которых говорит писатель в своих произведениях.

«Арцыбашев по всему методу письма, по ясности и определенности мысли своей, по видимому тяготению своему к старой ясной манере реалистов дописывать каждую строку до точки, говорить языком простым и точным, без выверта и подмигивания, — очень здоровый и трезвый писатель. Да, право, и жизнь он слишком любит, как это видно, хотя бы одного типа Санина-Михайлова, коим он спел такой гимн жизни, что ради него забыли даже о существовании всяких законов нравственности и приличий» [Там же, с. 27].

М. П. Арцыбашев не только преобразует шедевры классической культуры, он дает логическое продолжение либо же завершение многим вопросам, о которых говорила литература до него. Так, проблема пола, о которой только заговорила русская литература в последней трети XIX века, у Арцыбашева занимает одно из ведущих мест в творчестве. Христианская модель мира во многом узурпировала жизнь тела, правду пола. Об этом в своих произведениях часто высказывался Василий Васильевич Розанов. Арцыбашев жил и работал в одно время с философом Розановым, поэтому писатель и философ во многом перекликались в своих исканиях. «У нас распространены два взгляда на природу, равно односторонние и неправильные. Согласно одному, заимствованному от христианства, в природе заключено основное зло жизни, следовательно, ее нужно игнорировать и подавлять во имя высоких идеалов, с природой своей и ее требованиями нужно «бороться», потому что они низменны. Другой, новоязыческий, провозглашает природу непогрешимой; все, что от природы, — благо...» [4, с. 119-120].

Арцыбашев в этом ни христианин, ни новоязычник, он проповедует жизнь, радость жизни, естественную, правдивую, ясную жизнь, цельную и полную в своем проявлении. Такая гениальная простота в позиции Арцыбашева постоянно извращалась. В извращении позиции писателя дошло до того, что его признали порнографистом. Его центральный герой — Санин из одноименного романа был признан проповедником аморального. А был ли Арцыбашев и его герой так аморальны, как пытались доказать критики того времени? «Моралисты порицают его роман как раз за то, чего в нем нет — за порнографию. <...> Санин так не похож на других «идейных» героев, на своих современников и ближайших предшественников — героев Андреева, Горького, Чехова. Его автор как бы намеренно резко порвал с прежними традициями, сделал его не продолжателем их, а протестантом против них. Вполне естественно поэтому желание разобраться в той новой правде, которую Санин несет на смену старой, и понять, в чем и насколько она способна всех удовлетворить...» [Там же, с. 124].

А правда Арцыбашева и Санина, которым говорит писатель, заключается в жизни. В могучей жизни. Жизнь — скоротечное явление. Писатель, будучи болен, прекрасно чувствовал эту скоротечность. Однако если не спасает ни любовь (т.к. это проходящее явление, подверженное привыканию), ни дружба, ни общественные идеалы и философские программы бытия, то остается только одно наслаждение, которое дает жизнь, — это физический акт любви. Только Арцыбашев не дает заменить частью целое. Все-таки первична жизнь, природа, сила, радость, а половое наслаждение — лишь часть этой системы. «Арцыбашев провозглашает в своем романе верховные права жизни. Жизнь могуча. Она сильнее и важнее всего. —Человек не может быть выше жизни”... —Он только часть ее”... Санин твердит это окружающим и старается доказать это своим примером, своим поведением в жизни» [Там же]. Человек конечен, в нем есть смертное начало, и пол лишь помогает скрасить эту ужасную правду жизни. Здесь и есть самое главное различие между М. П. Арцыбашевым и В. В. Розановым. Розанов заявлял, что человек через свой пол становится бессмертным, ибо, повторяясь в своих детях, доходит до бесконечной жизни.

Арцыбашев рассматривает проблему пола иначе. Для него физическое наслаждение – эвдемония. Программа писателя проста и вместе с тем сложна в достижении, так как, чтобы реализовать ее, человеку приходится изменить всю свою сущность и мировоззрение. «Основной параграф новой программы – право человека на жизнь и наслаждение, требование, чтобы человек всегда был самим собой, не ограничивая себя в своих желаниях ничем» [Там же, с. 125]. И Санин – это воплощение программы Арцыбашева. Он – герой этой программы, герой времени, о котором пишет писатель. «Санин такой же герой своего времени, каким был Печорин, Базаров... В нем свет и тень нового направления. Это последняя точка, которая сверкнула на гребне жизненной волны» [Там же].

Однако не следует говорить, что Арцыбашев полностью отличался в своей позиции от того же В. В. Розанова, корень исчезновения радости жизни писатель также видит в христианстве. «Корень этой хилости и изломанности он видит в христианстве, которое «ногубило красоту и смелость», обесценило жизнь, — превратило ее в тюрьму», и направляет свою ненависть против всех христианских моральных устоев, исходящих из отвлеченной теории, а не из конкретного блага личности» [Там же, с. 126]. Личность у Арцыбашева превыше всего, только здоровую, сильную личность ценит писатель. Только такому человеку есть место в его творческой системе. Все болезненные, безжизненные, лишенные искры люди либо погибают, либо заканчивают жизнь самоубийством. В произведениях Арцыбашева любая слабая личность, в которой нет радости жизни, заканчивает свое существование. «Вопросы жизни и смерти, о пределах проявления личности, это – наши вопросы. Они волнуют Арцыбашева, лежат в основе его творчества» [3, с. 59].

Писатель фактически заставляет любить жизнь. Он любит ее до иступления, до фанатизма, искренний в своих чувствах до невозможности. Пол, чувственное наслаждение помогает ему в этом. Наслаждение, жизнь, сильная личность – это колоссы, на которых держится творчество писателя. «В нем бросается в глаза две черты – это, во-первых, совершенно особая, стихийная, неизвестно откуда нахлынувшая жажда жизни, желание найти для себя такой путь, чтобы вполне развернуть свою индивидуальность и использовать жизнь как можно полнее и ярче... <...> другое свойство – это полнейшая, доходящая до дерзости искренность. Она разжигается отвращением к той лжи, лицемерию и предрассудкам, которые опутали всю жизнь предков, особенно ее интимные области» [Там же]. Своим видением мира, жизни Михаил Петрович Арцыбашев раздвигает каноны литературы, вводит нового героя, с феноменальной жаждой жизни, наслаждения, философии. «Последнее особенно радостно. Нашу новую – слишком нервную, лирическую литературу не без основания упрекают в том, что ее представители скоро исчерпываются. Их экспансивность, их нетерпеливое стремление как можно полнее и яснее выразиться идет во вред их индивидуальности, останавливает их рост...

Но роман Арцыбашева свидетельствует об обратном: не об упадке, а о развитии художественных сил этого – одного из наиболее характерных для современности писателя» [2, с. 67].

Михаил Арцыбашев – крайне субъективный писатель, однако его субъективность не сыграла с ним злую шутку. Не сделала его творческую систему однобокой или недостаточно объективной. Арцыбашев дополнил свою субъективную оценку действительности взглядом из классической культуры. Преобразовав эти точки зрения, он получил совершенно новый синтез, который полностью передавал его мировоззрение и не выводил его в Абсолют. Такая позиция была близка читателю, потому как архетипы классической культуры уже были заложены в сознание, и общество восприняло концепцию писателя не как чуждую, а крайне близкую ему. Однако писатель не ограничился только таким подходом в изображении действительности. Преобразовав готовые схемы и модели, дополнив их своей субъективной оценкой современности, многим использованным моделям он дает продолжение, развитие, которого не могли дать писатели-реалисты классического толка. Поэтому модели получают свое эволюционное продолжение, другие же схемы, которые перестали отвечать запросам современности и не имели перспективы исторического развития, были нейтрализованы Арцыбашевым. Именно поэтому на страницах произведений писателя так много умирающих героев. В нем не заговорила болезненная жажда смерти, напротив, нами не единожды доказывалось, что писатель – крайне жизнелюбивый человек. Арцыбашев производил чисто утилитарную функцию, вводя такое количество смертей, таким образом он избавлялся от отживших и нефункционирующих схем и моделей развития общества и личности. Именно поэтому многие литературоведы и критики не находят или же находят с трудом момент эволюции писателя. Безусловно, нельзя назвать конкретный год, период, поворот, когда у Михаила Арцыбашева происходит некое обновление мыслей, художественного изображения. Этого нет. Однако сам факт эволюции, разумеется, есть. Феномен Арцыбашева в том, что, преобразовав культурные пласты и добавив субъективную оценку к ним, он получает новую картину мира. Только мы говорим уже о конечном этапе, когда преобразование уже произошло, пропуская тот момент, когда происходит накопление материала, схем и идей, которые в последующем будут использованы в творчестве. Арцыбашев практически в начале своего творческого пути представил уникальную художественную картину мира, которой будет придерживаться в последующем. Разнородность его видения позволяла быть автором и «Санина», и «Смерти Ланде», при этом оставаясь верным в своем творческом видении.

В этом новом взгляде на вечные вопросы человечества Михаил Арцыбашев и выводит нового героя – человека-зверя. Ни варвара, ни дикаря, а зверя в широком смысле. Здорового, сильного, могучего, уверенного в себе, рвущегося к жизни и любящего только ее. Разумеется, сильнее всего к такому типу тяготеет Санин, он лучше всего олицетворяет арцыбашевский тип человека-зверя. Однако Санин – это не только плод воображения писателя, он его *логически* вывел из историко-литературного процесса.

Феномен творчества Михаила Петровича Арцыбашева уникален. Писатель сумел фактически синтезировать жизнь на страницах своих произведений. Отобрать материал и реконструировать действительность.

Произведя эту работу за короткий срок, он включил опыт классической литературы и философии для решения проблем современности, однако не оставив своего творчества в разряде эпигонства, подведя его к лучшим образцам классической литературы. Органичность творческой системы писателя уникальна. То, к чему стремятся писатели на протяжении всего пути – целостности, Арцыбашев имеет уже по определению. Он целостный изначально. Его картина мира, собранная из мозаики культурных образцов, складывается в целую картину, объемную и смысловую. При расколоте сознания общества конца XIX – начала XX века Михаил Петрович проходит свою литературную жизнь с цельной, органической, реалистической картиной мира, не изменяя ей на протяжении всего времени, только незначительно дополняя ее.

Список литературы

1. **Измайлов А.** Банкротство идеалов: литературный портрет М. П. Арцыбашева // Измайлов А. Пестрые знамена: литературные портреты безвременья. М.: Изд-во тов-ва И. Д. Сытина, 1913. С. 7-27.
2. **Колтоновская Е.** Наследники Санина // Колтоновская Е. Критические этюды. СПб.: Просвещение, 1912. С. 67-68.
3. **Колтоновская Е.** Предел или перевал? (об Арцыбашеве) // Колтоновская Е. Критические этюды. СПб.: Просвещение, 1912. С. 59-60.
4. **Колтоновская Е.** Проблема пола и ее освещение у неореалистов: Ведкин и Арцыбашев // Образование. 1908. № 1. Отд. II. С. 119-126.

THE ORGANIC BASIS OF M. P. ARTSYBASHEV'S CREATIVE SYSTEM

Borisova Yana Igorevna

*Lipetsk State Technical University
yanaskakova@yandex.ru*

In the article the integrated view on the creative system of the writer- neoneaturalist M. P. Artsybashev is presented. The special type of the writer's artistic picture of the world is analyzed; the complex analysis of the basic points of Mikhail Artsybashev's creative system is given. The traditional fractional analysis of the creativity is replaced by an integral one. The author synthesizes the components which haven't been considered previously and shows the mechanism by means of which the writer achieves the organic integrity of his creative system.

Key words and phrases: organicity; integrity; creative system; spontaneity; problem of sex; synthesis; classical types of culture.

УДК 81+811.161.1

Филологические науки

В данной статье рассматриваются все возможные комбинации восклицания „Да ладно“ и соответствующих иллокуций в различных контекстах. Выявлено, что восклицание „Да ладно“ может коррелировать с регулирующими иллокутивными актами в функции совета, информирующими иллокутивными актами в функции отказа или несогласия и экспрессивами в функции эмотивов или принятия. Устанавливается частотность употребления восклицания „Да ладно“ в различных функциях.

Ключевые слова и фразы: адресант; адресат; экспрессив; эмотив; иллокуция; речевой акт; функция; пропозиция.

Бочкарев Арсентий Игоревич

*Новосибирский государственный технический университет
arsentiy_87@mail.ru*

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОСКЛИЦАНИЯ *ДА ЛАДНО*[©]

Восклицания, как и междометия, являются основной формой реализации речевых актов эмотивов. Но их нельзя причислить к стандартизованным формам выражения, так как одно междометие или восклицание может выражать различные эмоции. Восклицания зачастую могут выполнять функции либо регулирующих речевых актов (направлены на изменение поведения адресанта или адресата), либо информирующих речевых актов (направлены на изменение сознания адресата), при этом они сохраняют свою эмотивную природу и передают определенные эмоции. Хотя выражение эмоций в подобных случаях скорее является второстепенной целью восклицаний.

Эмотивы как особый класс речевых актов экспрессивов были впервые выделены нами в статье «К вопросу о косвенных экспрессивах» [1]. Эмотивы – это речевые акты, которые передают определенное эмоциональное состояние адресанта и не обладают стандартизованной формой выражения [Там же]. Кроме того, сами эмотивы очень часто реализуются либо посредством регулирующих, либо посредством информирующих речевых актов [2; 3]. Основными средствами их выражения являются восклицательный знак на письме